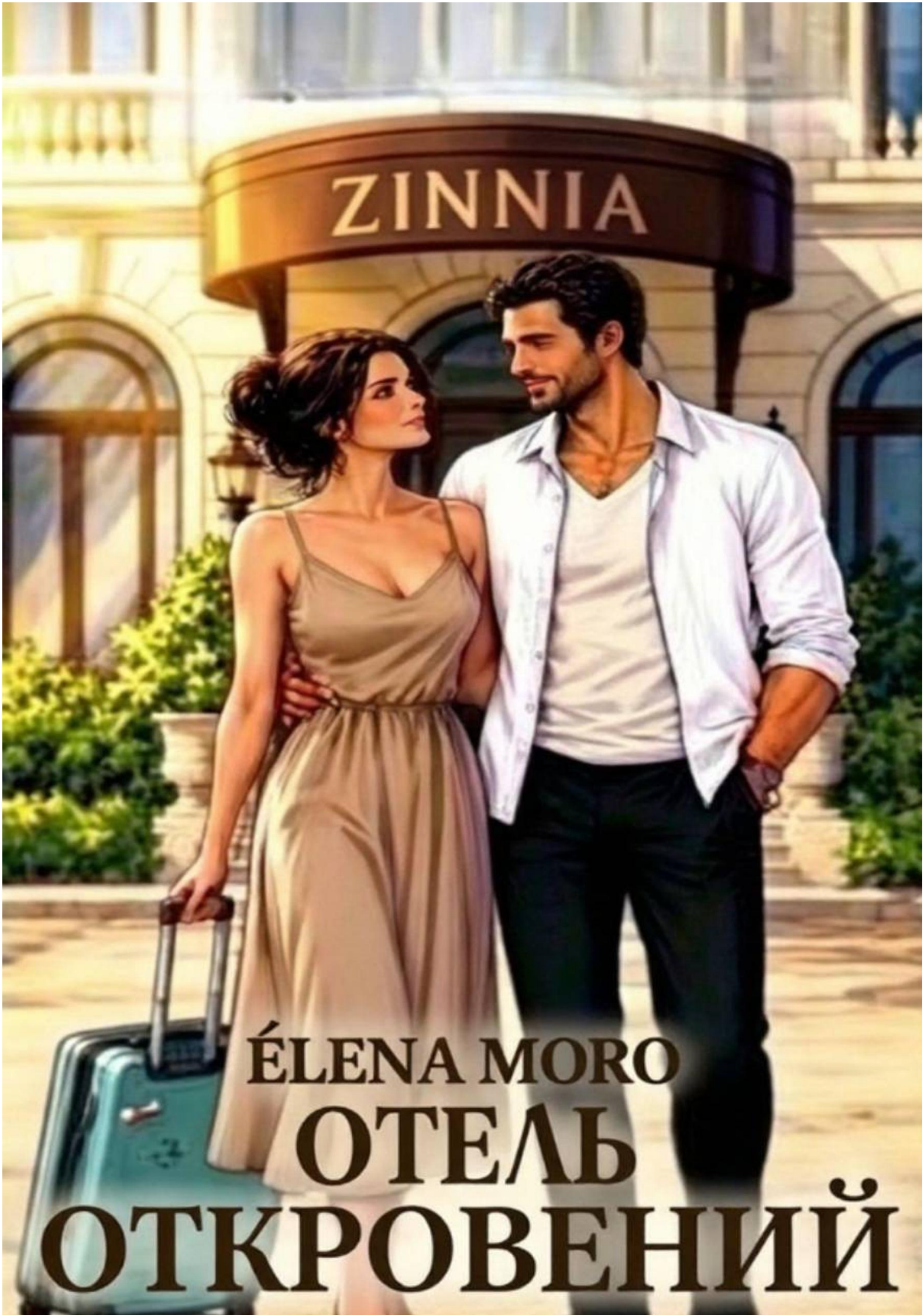

ÉLENA MORO

ОТЕЛЬ ОТКРОВЕНИЙ

Élena Moro

Отель Откровений

«Автор»
2026

Moro É.

Отель Откровений / É. Moro — «Автор», 2026

Никаких драм. Никаких рисков. Только спокойствие и свидания «для тонуса».Один звонок - и жизнь Али летит кувырком: наследство от бабушки - пятизвёздочный бутик-отель на Мальдивах.Теперь она - бизнес-леди, хотя единственное, что ей хочется... не уронить телефон от стресса.На Мальдивах её ждёт сюрприз. И он только начинаетсяЧто скрывает отель? Кто стоит за этим наследством? И сможет ли Аля превратить «спокойную жизнь» в настоящую историю любви... или хотя бы не потерять отель в первый же месяц?Читайте... и узнайте, чем обернётся это наследство.

© Moro É., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с видом на океан 5
Глава 2. Добро пожаловать в «Зиннию» 12
Глава 3. Первый день, первые гости 22
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Élena Moro
Отель Откровений

Глава 1. Наследство с видом на океан

Понедельник для Алины был как квест «Выживи и не сойди с ума»: сложный уровень, без сохранений, с единственным бонусом в виде кофе и то если повезёт его сварить, и не пролить на клавиатуру. Она не любила понедельники примерно так же, как не любила кабачковую икру, нет не из вредности, а по совокупности причин: и выглядит подозрительно, и вкус такой «кто-то очень старался, но не угадал, и избавиться от неё культурно почти невозможно». «Ну попробуй хоть ложечку!» и вот ты уже в ловушке вежливости, а икра торжествующе лежит на краю тарелки.

Аля была убеждена: утренние разговоры о смысле жизни, особенно с мужчинами – это как экзамен, на который ты пришёл в пижаме, не выспавшись и с одной мыслью: «Где мой кофе?!» Особенно если экзамен устраивает тот самый человек, который ещё полчаса назад клялся, что «философия – это не его», а теперь смотрит в окно с таким видом, будто вот-вот откроет тайну Вселенной.

– А ты не думала, ради чего всё это? – спрашивал этот человек, задумчиво помешивая ложечкой сахар, словно от этого зависел ответ на главный вопрос мироздания.

Она в такие моменты чувствовала себя героиней абсурдного скетча. Ей казалось, что где-то там, наверху, сидит шутник-режиссёр и радостно потирает руки: «О, отлично! Сейчас добавим экзистенциальный кризис прямо в восемь утра, пока кофе остывает. Пусть она решит судьбу человечества – это бодрит лучше энергетика!»

Аля твёрдо верила в простые правила выживания в мире романтики: никаких драм, никаких мучительных гаданий «а что он обо мне думает» (потому что, честно, чаще всего там вообще ничего не думают, а просто пытаются вспомнить, где оставили ключи), и уж точно никаких завышенных ожиданий.

Свидания она воспринимала, примерно, как фитнес-тренировки: полезно для тонуса, приятно для настроения, а главное после них можно гордо сказать «я сегодня поработала над собой» и уйти в душ, не разбирая по косточкам каждый взгляд и вздох.

А любовь… ну, любовь в её картине мира была чем-то вроде прыжка с парашютом: красиво, эффектно, все кричат от восторга, но лично ей вполне хватало прогулки по парку. Зачем рисковать, если можно просто спокойно жить, пить горячий шоколад и не пытаться расшифровать значение смайлика с баклажаном?

Иногда друзья пытались её переубедить: мол, ну как же так, ведь любовь – это магия, бабочки в животе, вечные рассветы… Аля кивала, улыбалась и мысленно добавляла: «…и ещё три стадии отрицания, когда он не отвечает в чате два дня».

– Я просто выбираю комфорт, – говорила она, наливая себе третью чашку кофе. – Если вдруг судьба решит, что мне жизненно необходим кто-то, кто будет есть мои чипсы и забывать закрывать зубную пасту, я первая об этом узнаю. А пока пусть всё будет просто. Без драм. Без загадок.

Аля не то чтобы была против любви, она просто не любила, когда за красивыми фразами прятался бытовой расчёт. Своё осторожное отношение к отношениям она объясняла с железобетонной логикой: слишком уж часто волшебное «мы теперь» на деле означало скромное и будничное «а можно я у тебя поживу, пока не найду вариант получше». В её личном рейтинге романтических сценариев такой поворот занимал почётное последнее место сразу после «я тебе потом всё объясню» и «это не то, что ты думаешь».

Идеальные отношения в представлении Али начинались вовсе не с томных взглядов через бокал шампанского и попыток угадать, что скрывается в глубине души партнёра. Ей куда ближе была приземлённая честность с первых минут. Например, нормальный взрослый разговор: «Так, давай сразу проясним: посуду мою я, пиццу заказываешь ты. И ещё важный момент – никаких ананасов. Это не вкусовщина, это граница личности».

Она даже придумала шуточную анкету для первых свиданий – вместо банальных «о себе в трёх словах» там были пункты вроде: «Готов ли мыть сковородки без жалоб?», «Какой твой предел в споре о том, сколько сахара класть в чай?» и «Если я усну на середине фильма – ты обидишься или тоже уснёшь?».

– Знаешь, в чём проблема всех этих «мы теперь»? – как-то Аля сказала Лере, своей подруге, помешивая сахар в чае с видом человека, который решает судьбу цивилизации. – Они звучат как начало красивой истории, а заканчиваются списком бытовых просьб. А я хочу, чтобы красивая история сразу шла с честным прайсом: вот мои плюсы, вот мои минусы, вот сколько раз в неделю я готова готовить, а вот сколько – просто лежать и смотреть в потолок.

Подруга тогда рассмеялась:

– То есть тебе нужен не принц на белом коне, а человек, который честно скажет: «Я умею разогревать суп и не прятать грязные носки за диваном»?

Аля улыбнулась:

– Вот именно. И если он ещё сразу признается, что терпеть не может ананасы на пицце, то я готова рассматривать кандидатуру всерьёз. Это уже не романтика, это совместимость. А совместимость – это, между прочим, основа великой любви. Ну, или хотя бы спокойного совместного завтрака без кризисов.

Будильник сегодня надрывался так, будто ему выдали премию «Главный враг понедельника» и он изо всех сил старался оправдать награду. Аля покосилась на него с таким видом, словно это был не гаджет, а личный агент вселенского заговора, тот самый, что подбрасывает в жизнь лишние проблемы.

– Ладно, – пробормотала она, натягивая свитер с решимостью рыцаря, который облачается в доспехи перед решающим сражением. – Сегодня только кофе. Только тишина. И пусть хоть вся Вселенная встанет в очередь с вопросом «что дальше?», я отвечу: «Дальше – ещё одна чашка и робкая надежда, что вторник окажется чуть менее суровым».

Понедельник настойчиво заявлял о себе. Даже остывший кофе на кухне однокомнатной самарской квартиры будто шептал: «Ну вот, опять началось». Аля сидела, уставившись в экран телефона, и методично разбирала уведомления, как словно это были не сообщения, а мелкие бытовые враги, требующие немедленного обезвреживания.

Среди них мелькнуло имя бывшего с которым она когда-то решила встречаться ровно две недели «для тонуса». Сообщение: «Может, сходим в кино?» Аля удалила его, даже не дочитав до конца. Не из жестокости, а по чёткому внутреннему регламенту: две недели – это её личный лимит годности на отношения. Дальше неизбежно появлялись ожидания, а ожидания Аля воспринимала как микротрещины в идеально выстроенной обороне: через них потихоньку просачивалось всё то, от чего она старательно держалась подальше - разговоры про совместное будущее и прочие вещи, несовместимые с её планом «жить спокойно и без драм».

Она отложила телефон, это как закрыла крышку коробки с неприятностями, и снова взялась за чашку. Кофе был уже не горячим, но зато честным: он не обещал чудес, не строил планов.

Але – 27 лет: вроде пора всё понимать, а на деле... научилась с умным видом кивать про «финансовую подушку». Работает дизайнером-фрилансером: рисует логотипы, баннеры, карточки для маркетплейсов, чтобы товар хотелось купить даже в три часа ночи. Внешность у Али не кричащая, а уютная, как любимый свитер. Рост около 170 см, из-за лёгкой сутулости кажется чуть компактнее. Стройная, но не хрупкая – и чемодан дотащит, и диван передвинет, если

надо. Лицо живое: эмоции сменяются быстро. Широкая искренняя улыбка с ямочками появляется, только когда Аля по-настоящему расслаблена. В глазах внимательный, чуть настороженный огонёк, будто изучает мир и прикидывает, не подкинет ли он ей новую задачу. Тёмно-русые волосы до плеч живут своей жизнью: то аккуратная волна, то творческий беспорядок. Почти не красится – максимум бальзам для губ и тушь: «Если начну краситься по утрам, не останется времени на кофе».

Одевается удобно, но с изюминкой: свитера оверсайз, джинсы, потрёпанные любимые кеды. Из деталей – тонкий деревянный браслет (носит редко) и крошечная заколка-цветочек в волосах: её подарила Лера со словами: «Чтобы ты хоть иногда выглядела как героиня романов, а не как человек, который сдаёт срочный макет».

Денег хватает ровно на баланс, аренду и иногда – на новое платье. Платье она надевает один раз, с чувством, что сегодня она точно «та самая», а потом вешает в шкаф с благородной мыслью: «Это на особый случай». Особый случай, правда, всё никак не наступает, и платье тихо стареет среди вешалок, но Аля не теряет надежды.

Она отложила телефон, это как закрыла крышку коробки с неприятностями, и снова взялась за чашку. Кофе был уже не горячим, но зато честным: он не обещал чудес, не строил планов.

Есть Лера – лучшая подруга, которая каждый месяц торжественно клянётся: «Всё, больше ни рубля на ерунду!» и ровно через три дня присылает фото очередной покупки с подписью: «Ну это не барахло, это судьба». Есть мама, которая звонит строго по воскресеньям и с интонацией, в которой смешались забота и лёгкая паника, спрашивает: «Когда уже найдёшь нормального?» Аля обычно отвечает что-то вроде: «Мам, я сейчас логотип доделываю», но мама не сдаётся: «Логотип не сварит борщ». Как будто его сварит кто-то другой, - подумала Аля.

Папа ушёл, когда Алине было девять. Сейчас она почти не помнит его лица – только запах табака и тот самый звук - щёлк и дверь закрывается. Звук, который почему-то навсегда застрял в памяти, как неудачное автосохранение.

А ещё была бабушка Зина – Зинаида Павловна Нестерова. Умерла три месяца назад. Аля узнала об этом от мамы, которая позвонила будничным тоном, будто сообщала про погоду, и сказала: «Бабушка Зина умерла. На Мальдивах. Похороны там же, полететь не сможем, да и незачем». Мама никогда не любила бабушку Зину. Говорила, что та «бросила семью ради бизнеса» и что «нормальная бабушка печёт пирожки, а не покупает отели на островах.

Но для Али бабушка была совсем другой. Их связь не зависела от расстояний, даже когда между ними были тысячи километров, они оставались по-настоящему близкими. Аля постоянно скидывала бабушке фотографии: вот она в новом свитере, вот чашка кофе с красивым узором пены, вот закат над Самарой, который вдруг показался важным. Писала короткие сообщения, словно собирала для бабушки маленький дневник своей жизни: «Сегодня сдала макет и не умерла», «Купила кеды, теперь официально готова к побегу от проблем», «Лера опять купила ненужную штуку, но я её люблю».

И бабушка отвечала. Не сразу – на Мальдивах у неё вечно были встречи, переговоры, срочные письма, и день начинался совсем в другом ритме. Но отвечала обязательно. И в этих сообщениях всегда было столько тепла, что Аля чувствовала, как бабушка, скорее всего, улыбается на другом конце света. Иногда это была просто точка, как знак: «Я здесь, я прочитала». Иногда строчка: «Рада, что кеды хорошие. Значит, ты можешь идти туда, куда хочется». А иногда длинное письмо про отель, про дерево манго, про то, как важно не бояться строить что-то своё. Аля старалась, чтобы бабушка не забывала её, не теряла из виду среди своих больших дел. А теперь, вспоминая это, она чувствует лёгкую, но очень настоящую грусть - будто она всё ещё может написать, скинуть фото, рассказать про новый макет, а ответа уже не будет… И

от этого особенно дорого всё, что бабушка успела сказать: «Ты можешь. Ты справишься. Даже если не сразу, даже если сдался кофе».

И вот с этим всем: с платьями в шкафу, с покупками Леры, с мамиными вопросами и бабушкиным теплом – Аля и живёт. Не идеально, не по плану, но как-то по-своему правильно.

Аля видела бабушку раз в год, а то и реже, и каждая такая встреча ощущалась как эпизод из дорогого кино, где главная героиня – её собственная бабушка. Зинаида Павловна прилетала в Самару в шикарном пальто, с укладкой, будто её только что причесал личный стилист, и в шлейфе дорогих духов, от которого даже официанты в ресторане невольно расправляли плечи.

Она сажала Алю за лучший столик, заказывала что-нибудь с трюфелями как будто без трюфелей разговор о смысле жизни не имел права состояться и выдавала свои фирменные истины: «Не трать время на нытиков, Алиночка. Жизнь – это бизнес, а любовь – рисковая сделка. Если не уверена – не вкладывайся». Аля кивала, старательно накалывала на вилку кусочек чего-то изысканного и думала про себя: «Бабушка, ты, конечно, абсолютная легенда, но я пока даже близко не понимаю, о чём ты. У меня бюджет на месяц – это три таких блюда, а ты говоришь про инвестиции в чувства».

После обеда бабушка вручала ей конверт с деньгами «На развитие личного бренда!» и уезжала – снова в свой мир отелей, переговоров и тропических закатов. А Аля возвращалась в свою квартиру, прятала конверт в ящик, где он лежал до следующей коммуналки, и ещё неделю ловила себя на том, что в случайных разговорах пытается вставить фразу «это рисковая сделка», но получалось так неубедительно, что она тут же делала вид, словно вообще ничего не говорила.

И вот три месяца назад тишина между их встречами стала окончательной. Бабушка ушла в лучший мир, как считала сама Аля. Никаких больше внезапных прилётов, никаких трюфелей и мудрых советов, никаких конвертов. Только пустое место в календаре, где раньше стояла пометка «день бабушки», и ощущение, что из жизни выключили какой-то важный, пусть и громкий, звук. Теперь, вспоминая эти встречи, Аля улыбается немного криво, немного грустно, но искренне. И иногда, когда приходится выбирать между «вложиться» и «не рисковать», она слышит в голове спокойный, чуть хрипловатый голос: «Если не уверена – не вкладывайся». А потом тихо добавляет от себя: «Но, если это про кофе, кекс или разговор с хорошей подругой – вкладывайся смело. Это беспроигрышные варианты».

В это утро понедельника всё шло по классическому сценарию «понедельник против Али»: кофе успел остыть до состояния «ну, хоть пить можно», бывший был удалён из контактов с торжественным чувством завершённости, а на кухне царила та особая тишина, когда даже крошки на столе шепчут: «Да, тут всё непросто».

И тут зазвонил телефон. Номер незнакомый. Аля покосилась на экран, как на что-то подозрительное - в понедельник от неизвестных номеров добра не ждут. Но любопытство победило осторожность.

– Алина Андреевна Нестерова? – голос был мужской, деловой, с лёгким акцентом, кажется, человек привык, что его слушают очень внимательно.

– Да… – ответила Аля, уже готовясь вежливо отказаться от кредита, подписки или участия в опросе.

– Меня зовут Александр Игоревич Немов, я нотариус. Я звоню по поводу наследства Зинаиды Павловны Нестеровой. Вы указаны в завещании как единственная наследница.

Аля моргнула. Потом ещё раз. Будто это могло как-то повлиять на реальность.– К-какого… наследства? – спросила она, и в голосе прозвучало столько недоверия, что даже телефон, казалось, слегка вздрогнул.

– Гостиницы. Бутик-отель «Зинния» на Мальдивском архипелаге. Пять звёзд, пятьдесят номеров, ресторан, СПА, приватный пляж. И… партнёр. У отеля есть совладелец.

В этот момент у Али в голове одновременно пронеслось три мысли: «Это розыгрыш», «Я сплю», и «Если это правда – я никогда больше не буду жаловаться на понедельники».

– Погодите, – сказала она, пытаясь удержать реальность за край. – Отель? Мой? На Мальдивах?

– Ваш, – спокойно подтвердил нотариус. – При условии, что вы прилетите и подпишете документы в течение трёх месяцев. Иначе доля переходит к партнёру.

– А партнёр кто?

– Сергей Платонов. Он управляет отелем последние два года. Согласитесь, удобная ситуация - вы владеете, он управляет.

Аля медленно положила трубку. Секунду посидела, глядя в стену так, словно там вот-вот должна была появиться инструкция «Что делать, если тебе оставили отель на Мальдивах». Потом перевела взгляд на свою кухню. Крошки на столе теперь выглядели не как следы хаоса, а как декорации к прошлой жизни. Одинокая чашка символ эпохи «до». Занавеска, оторвавшаяся с одного края и висевшая, как флаг побеждённой страны, вдруг показалась почти милой, ведь она была частью истории, которая сейчас резко и невероятно круто менялась. «Отель на Мальдивах, – подумала Аля. – Мой. Настоящий, пятизвёздочный, с приватным пляжем. Бабушка… ты просто космос!» И вдруг её накрыло такое острое, почти детское счастье, что она чуть не рассмеялась вслух. А потом прошептала, боясь спугнуть удачу:

– Бабушка, ты лучшая! Даже оттуда ты умудряешься спасать меня от ужасных понедельников. Спасибо!

Она встала, подошла к окну, распахнула его и пусть на улице моросил мелкий дождь, пусть двор был самым обычным, а соседский кот смотрел на неё с подозрением. Всё это теперь казалось не унылой реальностью, а просто прологом к чему-то невероятному. «Значит так, – подумала она, чувствуя, как внутри всё подпрыгивает от волнения и радости. – Понедельник всё-таки может быть хорошим днём. Особенно если в середине него тебе сообщают, что ты – владелица отеля на Мальдивах!» Аля схватила телефон и стремительно набрала Леру, боясь, что новость растает, если не выговорить её немедленно.

– Лера, мне бабушка оставила отель на Мальдивах! – выпалила она, не дожидаясь приветствия.

На том конце провода повисла пауза, та самая, когда человек судорожно проверяет, не начался ли у него приступ слуховых галлюцинаций.

– Что? Какой отель? Какие Мальдивы? Ты вообще когда последний раз видела свою бабушку?

– Год назад. Она прислала мне открытку с дельфином, такой упитанный, весёлый, как будто только что выиграл в лотерею. И написала: «Жизнь коротка, Алиночка. Плыви». И рассказала Лере подробности, который рассказал ей нотариус.

– Ну вот! – воскликнула Лера. – Она не просто так написала! Она всё это серьёзно имела в виду! Прямо стратегически намекнула «не стой у берега, двигай к пяти звёздам!»

– Лера, что мне делать? – голос Али дрожал от смеси восторга и паники, как у человека, которому вручили ключи от космического корабля и сказали: «Лети, но инструкцию почитаешь в полёте».

– Собирать чемодан, дура! – отрезала Лера тоном, не терпящим возражений. – Ты что, будешь сидеть в Самаре, пялиться в этот свой монитор и рисовать логотипы для зоомагазинов, когда у тебя есть отель на Мальдивах? Я вообще не понимаю, о чём тут думать!

– Но я же ничего не знаю про отели…

– Зато там знают! Там есть Сергей Платонов, который два года всем рулит. А ты будешь… ну, например, лицом бренда. Улыбаться гостям, красиво стоять у ресепшена, говорить: «Добро пожаловать, мы рады, что вы выбрали «Зиннию». Ну или хотя бы: «Кофе на террасе отличный, поверьте, я сама его пила».

Аля посмотрела на ноутбук, где застыл недописанный логотип – щит с лапой, зелёный, унылый, словно его рисовал уставший рыцарь после трёхдневной осады. Потом перевела взгляд на занавеску, которая по-прежнему висела, как флаг. Потом на телефон, будто он мог подсказать, как из дизайнера логотипов моментально превратиться в владелицу пятизвёздочного отеля.

– И ещё, – добавила Лера уже мягче, но с железной интонацией, – теперь у меня будет скидка в отеле на Мальдивах. Причём большая. Я же твоя лучшая подруга. Это не привилегия – это закон природы!

Аля невольно улыбнулась. И вдруг почувствовала, как паника потихоньку уступает место чему-то похожему на азарт. Чемодан был старый, с характером: колёсико отваливалось и пищало, замок заедал, но сейчас Аля защёлкнула его с первого раза. И это показалось ей не просто удачей, а настоящим знаком, что Вселенная одобряет. Она поставила чемодан у двери, выпрямилась и сказала вслух, проверяя, как звучит новая реальность:

– Я еду на Мальдивы. У меня есть отель. И, кажется, теперь понедельники будут ко мне добрее.

В голове тут же пронеслось бабушкино: «Не вкладывайся в рискованные сделки». Аля тихонько хихикнула.

– Бабушка, – прошептала она, – в этот раз я вкладываюсь. И знаешь, что? Думаю, ты бы одобрила. Приключение начинается!

Аля купила билет. Вылет – среда, 14:40. Маршрут был такой: Самара – Москва – Коломбо, а потом ещё местный рейс до Мале. В сумме выходило почти сутки в дороге. Достаточно, чтобы успеть десять раз передумать, один раз расплакаться, дважды вдохновиться и сто раз прокрутить в голове фразу «Я владелица отеля, я владелица отеля», пока она не начнёт звучать хоть немного убедительно.

Главное, – думала Аля, глядя в окно такси по дороге в аэропорт, – не упасть лицом в грязь. Бабушка бы точно не одобрила. Она вообще не любила эффектные падения – говорила, что они портят пальто». А потом она задумалась: а что бы бабушка вообще одобрила в такой ситуации? Представила, как Зинаида Павловна смотрит на неё поверх очков и говорит: «Алиночка, не стой столбом. Если не знаешь, что делать – делай уверенно. Люди любят уверенность, даже если она наглая». И Аля кивнула сама себе, словно бабушка действительно сидела рядом на заднем сиденье и давала инструкции.

Самолёт начал набирать высоту. Внизу серая самарская земля становилась всё меньше, кажется, кто-то аккуратно сворачивал привычную жизнь в компактный рулончик и прятал в дальний ящик. А впереди был другой мир – голубой, тёплый, с океаном, который Аля до сих пор видела только в рекламе зубной пасты (и то мельком, пока листала ленту в телефоне).

Она достала телефон, открыла заметки и решительно напечатала:

«План:

Приехать.

Осмотреть отель (желательно не споткнувшись о порог).

Познакомиться с партнёром (улыбнуться, но не слишком широко, а то подумает, что я нервная).

Понять, что делать дальше (хотя бы примерно).

Не влюбиться. (Подчёркнуто два раза.)»

Посмотрела на пятый пункт, хмыкнула, стёрла. Потом, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, снова написала. Потом опять стёрла, закрыла заметки и вздохнула.

– Я не влюбляюсь, – сказала она вслух, будто самолёт должен был зафиксировать это как официальное заявление. – Вообще не умею. У меня это как с готовкой: вроде все ингредиенты есть, всё по рецепту, а в итоге получается что-то странное, что даже соседский кот есть отказывается.

Потом хихикнула над собственной мыслью и добавила шёпотом:– И вообще, будем надеяться, что этот Сергей – дряхленький старичок с тростью и слуховым аппаратом. Тогда точно никаких драм.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но вместо сна в голове всплыла картинка: бабушка Зина в своём шикарном длинном сарафанчике, стоит на террасе с видом на океан, в руке – бокал чего-то элегантного и покрепче, а на лице – эта её фирменная полуулыбка, в которой читалось: «Ну наконец-то ты приехала. А то я уже начала думать, что ты тоже из нытиков, не осмелишься».

Аля улыбнулась во сне: тихо, но искренне. И вдруг почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло, кажется, маленький замочек повернулся и открыл дверь в новую жизнь.

«Ладно, бабушка, – прошептала она, не открывая глаз. – Я уже в пути! Теперь будем разбираться вместе. Ну, хотя бы мысленно».

Прямо перед ней появилась стюардесса, кстати, по имени Жанна…протягивая ей тонкий конверт с витиеватой надписью «Только для Али». Она замерла, не решаясь взять его: кто мог положить его сюда? И главное… откуда отправитель знал, что она летит именно этим рейсом?

Глава 2. Добро пожаловать в «Зиннию»

В конверте оказалось письмо от бабушки Зины, написанное её узнаваемым размашистым почерком:

«Дорогая моя, ты думаешь, что прилетаешь просто вступить в наследство? Ошибаешься. Отель – это ловушка для тех, кто ищет лёгких денег, и спасение для тех, кто готов бороться. В сейфе под картиной с пальмами лежит папка с пометкой «Только для наследницы». Не открывай её при посторонних. И помни: улыбка – твоё главное оружие, но не забывай про ключи. Тот, кто управляет ключами, управляет всем».

Аля сжала письмо в пальцах, чувствуя, как по спине пробежал холодок: бабушка всегда говорила загадками, но ни одна из них не была пустой.

Столица Мале Мальдийского архипелага встретила Алину жарой, запахом соли и небом такого пронзительно-голубого цвета, что хотелось налить его в стакан, поставить на стол и время от времени делать глоток – просто чтобы убедиться, что это не сон.

Аля стояла у выхода из аэропорта, вцепившись в ручку чемодана, у которого по-прежнему отваливалось колёсико, вернее уже держится на последнем вдохе. В голове крутилась одна и та же мысль, которую она повторяла как мантру: «Я – наследница отеля. Я должна выглядеть уверенно. Как бабушка. Как человек, который точно знает, куда идёт».

Она расправила плечи, приподняла подбородок и постаралась принять вид «я тут главная, просто пока не показываю всю свою мощь». Получилось, наверное, как у котёнка, который пытается казаться грозным: мило, но не очень убедительно.

– Выглядите вы так, будто впервые в жизни вышли из аэропорта, – раздался мужской голос справа.

Аля резко обернулась. Перед ней стоял мужчина лет тридцати семи, в лёгкой белой льняной рубашке, с солнцезащитными очками, сдвинутыми на макушку, и с такой спокойной улыбкой, словно он вообще не знал, что такое паника. Улыбка такая, от которой внутри что-то делало «ой».

– Я… не впервые, – возразила Аля, стараясь звучать твёрдо, а не как человек, которого только что поймали на маленькой лжи. – Просто… впервые на Мальдивах. И впервые как наследница отеля. И вообще впервые, когда небо такое голубое, что хочется его коллекционировать.

Мужчина приподнял бровь.

– Коллекционировать небо? Интересный подход к управлению гостиничным бизнесом.

Аля почувствовала, как щёки предательски теплеют.

– Ладно, признаюсь, – вздохнула она. – На самом деле я просто пытаюсь не выглядеть так, как будто сейчас упаду в обморок от счастья и жары.

Он рассмеялся: легко, без насмешки, и этот смех почему-то сразу снял половину напряжения.

– Тогда давайте не будем заставлять вас падать.

Я Сергей Платонов. Партнёр, совладелец и, по совместительству, водитель, грузчик и гид. И, судя по всему, тот, кто сейчас должен спасти вас от тропического шока.

Аля замерла на секунду, а потом вдруг рассмеялась сама – немного нервно, но искренне.

– Сергей… Значит, тот самый. Тот, кто управляет отелем, пока я рисую логотипы в Самаре. Приятно познакомиться. И… спасибо, что не дали мне начать коллекционировать небо всерьёз.

– Всегда пожалуйста. А теперь давайте заберём этот музыкальный чемодан и поедем в «Зиннию». Там есть кондиционер, кофе и вид на океан. И, честно говоря, после суток в дороге это именно то, что нужно даже самой уверенной наследнице.

Аля кивнула, чувствуя, как внутри потихоньку разжимается тугой узел тревоги. Она здесь. Она приехала. И, кажется, всё только начинается. «И, о боже, – он не старикан, я влипла по самые уши!», – подумала Аля.

– Добро пожаловать на Мальдивы, Алина Андреевна.

– Просто Аля, – поспешно поправила она, кажется от этого сразу станет проще дышать, а тропики чуть менее пугающими.

– Хорошо, просто Аля, – спокойно кивнул Сергей. – Машина там. Лодка там же. Отель на соседнем острове, так что доберёмся по воде. Вы не боитесь лодок?

– Нет, – ответила Аля твёрдо, как человек, который ни разу в жизни не плавал на лодке, но сейчас готов поклясться, что это его любимое развлечение.

– А акул?

– Что? – Аля даже слегка подпрыгнула, словно из воздуха вот-вот должна была вынырнуть зубастая тень.

– Шучу, – снова подмигнул он. – Акул тут нет. Пока.

Аля сглотнула, пытаясь одновременно удержать лицо «я всё контролирую» и не оглядываться по сторонам в поисках плавников.

«Спокойно, – сказала она себе. – Он партнёр. Бизнес-партнёр. Не герой романов, не спаситель в тропиках, а просто человек, с которым тебе теперь надо делить отель, отчёты и, возможно, споры о том, какого цвета должны быть полотенца».

А потом в голове всплыло бабушкино наставление – чёткое, как инструкция по сборке шкафа: «Красивые мужчины – это как красивые торты: снаружи идеально, внутри пусто. Не покупай».

Аля мысленно кивнула самой себе: «Принято. Не покупать. Только обсуждать стратегию развития отеля и сезонную загрузку. И, может быть, один раз – про погоду. Но не больше».

– Ладно, – выдохнула она. – Везите меня в отель. Посмотрим, что там с загрузкой и… и с полотенцами.

Сергей спокойно, без лишнего блеска улыбнулся, но как-то загадочно и от этого стало чуть легче.

– Отлично. Тогда сначала к лодке. Потом к кофе. А загрузку и полотенца обсудим уже на месте. Там вид такой, что даже самые сложные бизнес-вопросы решаются сами собой. Ну, или хотя бы перестают казаться катастрофой.

Он подхватил её чемодан и даже не поморщился, когда колёсико выдало своё фирменное «пи-и-и».

– Музыкальный багаж – это стиль, – заметил он, оправдывая чемодан. – Пусть все знают: хозяйка приехала.

Аля хихикнула: тихо, сама себе, но это хихиканье было как маленькая победа: паника отступила на полшага, а вместо неё проклюнулось любопытство.

Она шла следом, стараясь не смотреть на воду слишком пристально (всё-таки шутки про акул были шутками, но кто знает), и думала: «Бабушка, я тут. И я не покупаю торты. Но я беру отель. И, кажется, это даже круче».

Лодка была маленькая, белая, с навесом от солнца можно подумать игрушечная, но при этом твёрдо решила, что она тут главная и будет рассекать волны с достоинством. Сергей сел за штурвал, Аля устроилась на заднем сиденье, вцепившись в борт так, словно это был спасательный круг, хотя лодка вела себя на удивление прилично. Ветер трепал волосы, брызги летели в лицо, и Аля впервые за долгое время почувствовала, что делает что-то настоящее. Не по плану, не по расписанию, не потому что «надо сдать макет до вечера», а просто потому что. И даже писклявое колёсико чемодана казалось теперь не досадной деталью, а частью её личной легенды: «Хозяйка приехала – слышите этот звук?»

Через двадцать минут впереди показался остров: маленький, зелёный, окружённый такой прозрачной водой, что было видно не только дно, но и, кажется, все секреты океана. И на нём – отель. Белые корпуса с терракотовыми крышами, пальмы, терраса с видом на лагуну, деревянный причал с фонариками, которые днём выглядели скромно, но явно знали, что вечером будут блистать.

– «Зинния», – сказал Сергей. – Назвала ваша бабушка. В честь себя, разумеется. Скромность не была её сильной стороной.

– Я заметила, – хмыкнула Аля. – У неё даже открытки были с подписью «С любовью, Зинаида Павловна (владелица)».

– Зато у неё был вкус, – спокойно ответил Сергей. – Отель, он лучший на этом атолле. Не самый большой, но самый… правильный. Гости возвращаются. Не потому что тут дёшево, а потому что тут всё на своих местах. Даже тишина звучит как «ты дома».

– А ты? – Аля посмотрела на него. – Ты возвращаешься?

Он обернулся. Солнце было за его спиной, и лицо оказалось в тени, только глаза чуть прищурены.

– Я никогда не уходил, – тихо сказал он. – Я здесь с самого начала.

Аля приподняла бровь.

– С самого начала? То есть… ты знал бабушку?

Сергей чуть улыбнулся, не широко, а так, что кажется эта улыбка хранила целую историю.

– Мы познакомились в Сингапуре. Я тогда только выпустился из университета, полный идей и ноль денег. Хотел открыть эко-хостел, но инвесторы смотрели на меня как на человека, который предлагает построить отель из бамбука и надежд. В какой-то момент я понял, что бамбук – это красиво, но без денег он просто куча палок.

– И тут появилась бабушка?

– Да. Она сидела в лобби своего отеля, пила эспрессо и читала контракт, кажется, могла взглядом заставить цифры вести себя прилично. Я подошёл к ней, потому что… ну, не знаю. Наверное, она выглядела как человек, который не скажет «нет» просто из вежливости. Сказал: «У меня есть идея. И нет денег. Но я умею работать». Она посмотрела на меня секунд десять, мне показалось, что это были самые длинные десять секунд в моей жизни. Потом сказала: «Идея – это хорошо. Но идея без плана – это просто мечта с амбициями. Расскажи про план».

Аля невольно улыбнулась.

– Это очень в её стиле.

– Ещё бы. Я рассказал. Она слушала, иногда кивала, иногда хмурилась. А потом сказала: «План слабый, амбиции нормальные. Давай сделаем иначе. Ты будешь работать со мной. Научишься, как это всё устроено. А через год, если не сбежишь, мы подумаем про твой хостел».

– И ты не сбежал?

– Почти. В первый месяц я думал, что умру от усталости. Она гоняла меня по всем отделам: ресепшен, закупки, уборка, даже кухня. «Хочешь управлять? Сначала пойми, как крутится каждая шестерёнка», – говорила она. И я крутился. И чем больше крутился, тем больше понимал, что мне это нравится. Не просто «красивые виды», а вот это: как гость улыбается, когда ему подают кофе ровно той температуры, которую он любит. Как всё держится на мелочах.

– И что было через год?

– Через год она сказала: «Твой хостел подождёт. У меня есть другой проект. Мальдивы. Маленький остров, много работы, ноль гарантий. Поедешь?» Я сказал: «Поеду». Она хмыкнула: «Вот и отлично. Значит, ты либо гений, либо сумасшедший. Посмотрим».

– И вот так ты оказался здесь.

– Вот так. Сначала мы строили «Зиннию» вместе. Потом… потом она всё чаще уезжала, всё больше занималась другими проектами, а я оставался. И в какой-то момент она сказала:

«Ты знаешь этот отель лучше меня. Пусть он будет твоим, пока я строю новое. Но помни: это не просто бизнес. Это обещание».

Аля помолчала, глядя на приближающийся остров. Теперь он казался не просто красивым местом, а чем-то большим словно каждый камень, каждая пальма, каждый фонарик на причале хранил кусочек бабушкиной истории.

– Значит, ты её обещание хранишь, – тихо сказала она.

– Стараюсь, – кивнул Сергей. – И теперь у меня есть партнёр, который поможет не забыть, зачем мы всё это строили.

– Ну… что, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не как у человека, который только что узнал, что его бабушка собирала не просто отели, а целые судьбы. – Веди меня в мой отель. Покажем, что наследницы тоже умеют держать слово.

– Добро пожаловать домой, Аля. Тут любят смелых. И тех, кто не боится начать с нуля. Даже если этот ноль – на острове с видом на океан.

Сергей улыбнулся – на этот раз широко, без тени сомнения.

Причал тихонько поскрипывал под ногами, ворча на всех, кто слишком рано нарушает его утренний покой. Сергей привязал лодку так ловко, что кажется делал это всю жизнь – узел лёг ровно, без лишней суеты, и даже верёвка, казалось, вздохнула с облегчением. Он подал Але руку. Она тёплая, шершавая, с заметной мозолью на указательном пальце.

Аля взяла его ладонь, задержала взгляд на этой самой мозоли и тут же поймала себя на мысли: «У него мозоль. От чего? Он что, дровосек? Или тайный мастер по укладке брусчатки?»

– От работы, – спокойно сказал Сергей, не отпуская её руку.

– Чтоооо? – переспросила Аля, словно её выдернули из собственных размышлений посреди важного расследования.

– Мозоль. От работы. Ремонтировал террасу на прошлой неделе. Доски были упрямые, как ослы: не хотели ложиться ровно, а я не хотел сдаваться. В итоге мы оба устали, но я победил.

Аля замерла, чувствуя, как внутри всё сжалось в тугой узел.

– Я же не спрашивала про мозоль, да? – произнесла она чуть резче, чем хотела.

– Ты подумала, – мягко возразил он.

– Я не… – начала она и осеклась. – Погоди. Ты что, телепат, мысли читаешь?

Он улыбнулся и в этой улыбке было что-то одновременно обезоруживающее и невыносимо раздражающее, кажется он наслаждался моментом.

– Читаю. С детства. Это… длинная история. С элементами драмы, семейного скепсиса и одной очень настойчивой бабушки, которая утверждала, что это «не проклятие, а дар, просто неудобный».

– Это шутка? – с надеждой спросила Аля, цепляясь за самую логичную версию.

– Нет.

Она сделала шаг назад, потом ещё один, пока не упёрлась пяткой в край причала.

– Тогда это очень неудобно. Для всех. Особенно для меня.

– Да, мне тоже так говорили. Бабушка ваша, кстати. Она знала. И ей нравилось. Сразу сказала: «Вот это я понимаю – никаких недомолвок! Пусть лучше он сразу узнает, что я про него думаю, чем будет гадать, почему я вдруг чай не допила».

Аля почувствовала, как земля под ногами слегка качнулась или это просто мир решил напомнить, что сегодня явно необычный день.

– Погоди. Бабушка знала, что ты читаешь мысли? – переспросила она, словно если задать вопрос медленнее, ответ станет менее абсурдным.

– Конечно. Она же не дура была. Она вообще всё про всех знала. Просто про тебя… не успела рассказать. Сказала: «Подожди, вот приедет Аля и я тебе такое про неё расскажу, что ты неделю будешь улыбаться». Но не успела.

Аля медленно опустилась прямо на доски причала, не заботясь о том, что сарафан помнётся, а кто-нибудь из прохожих решит, что она репетирует сцену из драмы.

– А ты… ты сейчас слышишь мои мысли? – спросила она, стараясь говорить спокойно, но голос предательски дрогнул.

– Слышу. Ты думаешь: «Это какой-то бред. Может, я сошла с ума от смены часовых поясов. Или это сон. Но если сон, то почему причал такой шершавый?»

– Бред, – подтвердила Аля вслух, как будто произнося это слово, она могла сделать ситуацию чуть более реальной. Или чуть менее безумной.

– Не бред, – возразил Сергей, садясь рядом с ней так непринуждённо, словно они обсуждали не чтение мыслей, а прогноз погоды. – Скорее, неудобство. Для тебя. Для меня обычное дело. Я слышу мысли всех вокруг. Но твои… почему-то твои громче. Подобно тому, что ты думаешь на повышенных тонах, да ещё и с эхо.

– Это потому что я панику-у-ую! – выпалила Аля, чувствуя, как паника накатывает новой волной.

– Вот. Именно. Ты паникуешь громко. У тебя даже мысли кричат: «Помогите! Кто-нибудь, кто может! Объясните, что происходит! Я поехала домой, это не моё!»

Аля закрыла лицо руками, но даже сквозь пальцы чувствовала, как краснеет, так сильно, что, наверное, её уши сейчас светились, как сигнальные огни.

– Ладно, – сказала Аля сквозь пальцы, стараясь звучать твёрдо, хотя внутри всё дрожало. – Давай установим правила. Ты не слушаешь мои мысли. Я не пытаюсь тебя убить. Договорились?

– Не могу не слушать. Это как попросить тебя не слышать, когда кто-то говорит вслух. Ты же не можешь просто «выключить» уши, правда?

– Тогда делай вид, что не слышишь! – потребовала она и для пущей важности топнула ногой. Опустив руки, она уставилась на Сергея с такой твёрдостью во взгляде, словно от этого единственного условия зависела судьба не только её спокойствия, но и вообще всей вселенной: хватит с неё сегодня откровений, хватит сюрпризов, хватит мыслей, которые кто-то там «слушает».

Сергей чуть приподнял бровь – в этом движении смешались попытка не рассмеяться, и искреннее любопытство: ну вот как всерьёз реагировать на этот решительный топот? Он смотрел на Алю так, как будто перед ним стояла не взрослая, собранная женщина, а маленькая упрямая девочка, которая твёрдо намерена добиться своего, даже если для этого придётся топать хоть десять раз подряд.

– Ладно, ладно, – Сергей примирительно поднял ладони, словно сдаваясь перед лицом такой бескомпромиссной решимости. – Сделаю вид. Честно. Буду смотреть в сторону, молчать и притворяться, что вообще ничего не замечаю. Прямо как кот, который делает вид, что не опрокинул вазу, и даже усики не дрогнут.

Аля прищурилась, проверяла, можно ли ему верить хотя бы на полпроцента.

– И без этих твоих «я слышу, как ты думаешь», – строго добавила она, снова топнув – уже чуть тише, но с тем же внутренним пафосом. – Никаких расшифровок. Никаких комментариев. Просто будь… ну, обычным человеком. Ну, насколько это вообще возможно в твоей ситуации.

Сергей кивнул, старательно изображая серьёзность. – Обычный человек. Да. Тот, кто не слышит мыслей. Буду им притворяться. Даю слово. Ну, или хотя бы очень стараться.

Аля ещё секунду сверлила его взглядом, хотела бы она заглянуть ему прямо в голову и проверить, не врёт ли он, а потом резко выдохнула, сбрасывая напряжение, как тяжёлую накидку.

– Хорошо, – сказала Аля уже спокойнее, но всё ещё с ноткой предостережения. – Просто покажи мне отель. Остальное… потом. Или никогда.

– Хорошо. Сделаю вид, что не слышу, как ты думаешь: «Он красивый. Это раздражает. Почему он такой красивый? Это нечестно. И почему у него улыбка такая… такая…»

Аля покраснела так, что, казалось, даже причал почувствовал жар её смущения.

– Я. Этого. Не. Думала, – процедила она, чеканя каждое слово.

– Думала. Четыре секунды назад. И ещё: «Если он и правда бабник, то ему должно быть стыдно использовать такую внешность. Это эксплуатация природных данных!»

– Всё, – Аля резко встала, чуть не поскользнувшись на влажной доске. – Покажи мне отель. И больше ни слова про мои мысли. Ни одного.

– Как скажешь. Но ты ведь понимаешь, что это невозможно? Ты будешь думать, а я буду слышать. Всегда.

– Тогда учись не комментировать, – отрезала Аля, направляясь к тропинке, ведущей от причала, и стараясь не думать ни о чём, кроме того, как дойти до отеля, не упав по дороге.

– Учусь, – тихо ответил он, шагая рядом. – Уже четырнадцать лет. С твоей бабушкой. Она была лучшим учителем: говорила, что главное не реагировать. «Пусть думают, что хотят, – повторяла она. – Главное не поддаваться на провокации. Даже если они думают: „Он такой невыносимый!“ Я искренне любил Зинаиду Павловну.

Аля покосилась на него, пытаясь прочитать по лицу, шутит он или нет, но его выражение оставалось до обидного спокойным.

– Знаешь, что? – сказала Аля, замедляя шаг. – Давай пока без бабушки. Я её потом обязательно поблагодарю… ну, или хотя бы вежливо кивну, когда до меня дойдёт, что это она всё подстроила. И без комментариев, ладно? Никаких «я слышу, как ты думаешь», никаких расшифровок моих мыслей. Просто покажи отель.

Она сделала паузу, пытаясь уложить в эту паузу весь свой внутренний хаос, и добавила чуть тише:

– А там… там я решу, что делать дальше. Может, выпью чаю, такого горячего, чтобы от него даже мысли все расплавились. Может, лягу спать и сделаю вид, что сегодняшний день мне просто приснился. А может, просто посижу, посмотрю в одну точку и подумаю о чём-нибудь максимально скучном. Например, о налогах. Или о том, как правильно складывать полотенца до идеального прямоугольника, чтобы ни один уголок не смел торчать.

– О полотенцах – это хорошая идея, – кивнул Сергей. – Мысли про полотенца тихие. Почти бесшумные.

Аля вздохнула, но в этом вздохе уже не было прежней паники, скорее, усталое принятие того, что день явно будет не таким, как она планировала. И, возможно, именно поэтому он станет интересным.

Он подхватил чемодан и пошёл по дорожке к отелю. Аля тащилась следом, ведя собственную внутреннюю борьбу, достойную олимпийского золота: «Только не думать. Не думать. Не думать о том, что он красивый. Не думать о мозоли, пусть она живёт своей жизнью где-то на его пальце, отдельно от меня. Не думать о том, что он слышит, как я думаю, что не нужно думать. Это вообще какой-то мысленный матрешка-кошмар: я думаю о том, что не надо думать, а он слышит, что я думаю…»

– Ты сейчас зациклилась, – спокойно бросил Сергей, даже не оборачиваясь.

– Я тебя ненавижу, – буркнула Аля, старательно насупившись и пытаясь вложить в эти слова максимум тяжести. Получилось, правда, скорее, как «я тебя ненавижу, но, возможно, ещё и немного заинтригована… и, может быть, чуть-чуть хочу узнать, что будет дальше».

Она мысленно похвалила себя: «Хорошо, что это выяснилось сейчас, а не когда я уже успела бы наделать глупостей… каких-нибудь. Например, начать ему исповедоваться про все свои детские травмы.

– Ты думаешь, что ненавидишь, – не унимался Сергей. – На самом деле ты думаешь, что я забавный. И вот это-то тебя и злит больше всего. Потому что с забавными не строят

драму, а тебе сейчас очень хочется драмы. Ну или хотя бы права на праведное возмущение, чтобы можно было гордо сказать: «Я оскорблена до глубины души!» и уйти, эффектно хлопнув дверью.

Аля скосила на него взгляд, полный сдержанного негодования:

– Если ты сейчас скажешь, что я ещё и думаю про тортик, я вообще перестану с тобой разговаривать. Навсегда. Или хотя бы до ужина.

Сергей приподнял бровь, взвешивая риски:

– Про тортик не скажу. Но ты точно думаешь, что, если бы у тебя была суперспособность, ты бы выбрала не чтение мыслей, а умение телепортироваться прямо к ближайшей кондитерской.

– Молчи, – вздохнула Аля, сдаваясь. – Просто молчи. Пусть у меня останется хоть одна тайна: что я иногда мечтаю о круассане так сильно, словно это вопрос жизни и смерти.

Он улыбнулся, не широко… пытался спрятать улыбку, но она всё равно пробиралась наружу, как солнечный луч сквозь шторы.

– Ладно. Молчу. Буду просто идти и делать вид, что я самый обычный парень с чемоданом. Ну, насколько это возможно, когда половина твоих мыслей звучит как срочное совещание в голове.

Аля закатила глаза, но в этом жесте уже не было настоящей злости, а скорее усталое признание: день явно пошёл не по плану, зато стал куда интереснее, чем она ожидала.

Он кивнул и пошёл дальше.

– А ты читаешь мысли, когда только рядом с человеком или на расстоянии тоже? – спросила Аля между делом, но в голосе всё равно проскользнуло то самое любопытство, которое она так старательно пыталась загнать в дальний угол.

Сергей на секунду задумался, прикидывая, как объяснить свою странность так, чтобы это звучало не как сюжет дешёвого фэнтези, а хотя бы как умеренно правдоподобная особенность.

– Ну, не то чтобы на расстоянии… – протянул он. – Скажем так, радиус действия у меня как у WiFi в старом отеле: вроде ловит, но, если отойти далеко – сигнал пропадает. Метров двадцать, может, чуть больше. И ещё зависит от того, насколько громко человек думает. Ты вот, например, в этом смысле, как колонка на максимальной громкости: тебя слышно даже сквозь стены.

Аля прищурилась:

– То есть если я уйду в другой конец отеля и буду думать про круассан, ты всё равно услышишь?

– Если будешь думать с той же страстью, с какой минуту назад хотела хлопнуть дверью и сбежать. – То услышу, – спокойно кивнул он. – Но если просто спокойно подумаешь «круассан», то, скорее всего, нет. У меня тут не вселенское радио, а так… локальная приёмная станция.

– Отлично, – пробормотала Аля, складывая руки на груди. – То есть у меня даже в номере не будет личного пространства. Даже в мыслях.

– В номере будет, – поспешно добавил Сергей, точно понял, что сейчас рискует снова получить порцию праведного возмущения. – Там стены толстые, да и я не стану специально прислушиваться. Это как не подслушивать разговор в соседней комнате: технически можешь, но воспитанные люди так не делают.

– Воспитанные люди вообще не читают чужие мысли, – буркнула Аля, но уже без прежней тяжести.

– Справедливо, – легко согласился он. – Но я родился с этим «талантом», так что пришлось учиться быть воспитанным в усложнённых условиях. Зинаида, кстати, именно этому меня и учила: «Если уж слышишь – не комментируй. А если комментируешь, делай это деликатно».

– Деликатно – это когда не говоришь, что я думаю про круассаны или тортик, – уточнила Аля, покосившись на него.

– Именно, – серьёзно кивнул Сергей. – Или хотя бы не в первые пять минут знакомства.

Аля чуть заметно улыбнулась, самую малость, так, что улыбка едва успела мелькнуть и тут же спряталась за строгим выражением лица.

– Ладно, – сказала она, словно заключала важный договор. – Радиус двадцать метров, толстые стены и правило «никаких комментариев про еду». И ещё… никаких оценок моих внутренних монологов. Договорились?

– Договорились, – кивнул он. – Буду ходить с видом самого обычного парня.

– Этого достаточно, – вздохнула Аля, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает, уступая место чему-то новому – не то чтобы спокойствию, но хотя бы ощущению, что она понемногу учится ориентироваться в этом странном дне. – По крайней мере, пока мы не дойдём до отеля. А там… там я подумаю, как дальше жить с тем, что где-то рядом ходит человек, который слышит даже то, о чём я стараюсь не думать.

Сергей чуть улыбнулся, ничего не ответил – просто пошёл дальше, держа чемодан.

Аля снова поплелась за ним, изо всех сил пытаясь перенаправить мысли в безопасное русло. «Думай о чемодане, – твердила она себе. – Просто о чемодане. Внутри –три футболки, одни джинсы, купальник, который она купила на распродаже и который, если честно, выглядит так, словно она собиралась не на море, а на экстренное собрание любителей минимализма: „Я не планировала Мальдивы, но вдруг!“

– Хороший чемодан, – снова подал голос Сергей.

Аля подняла глаза к небу, искала там поддержку у высших сил, и процедила:

– Молчи. Пожалуйста. Просто молчи. Пусть хотя бы чемодан останется тайной.

Сергей едва заметно улыбнулся, но на этот раз ничего не сказал – только чуть крепче перехватил ручку чемодана и пошёл чуть медленнее, давая ей эти самые пять минут тишины, которые она так отчаянно хотела.

Отель был красивым. Не «красивым» в смысле «о, как мило», а красивым так, что хотелось заплакать и одновременно позвонить бабушке и сказать: «Зина, ты была права, ты была гением».

Белые стены, тёмное дерево, лёгкие ткани, которые колыхались от ветра. Терраса с видом на лагуну, где вода меняла цвет от бирюзового до глубокого синего. Ресторан под открытым небом, с навесом из пальмовых листьев. СПА-зона с двумя массажными кабинетами и небольшой купелью. Сад с орхидеями, бугенвиллея и одним деревом манго, которое, по словам Сергея, посадила сама Зинаида Павловна.

– Она говорила: «Каждый отель должен иметь дерево, которое даёт плоды. Это метафора», – рассказывал Сергей, ведя Алю по дорожке.

– Метафора чего?

– Бизнеса. Вкладываешь – получаешь.

– Звучит как бабушка.

– Она была… сильная и мудрая женщина, – Сергей остановился у дерева манго и положил руку на ствол. – Я многому у неё научился. Не только бизнесу.

– Чему ещё? – Не врать себе. Она это говорила часто.

Аля посмотрела на дерево. Потом на Сергея. Потом на океан.

– Чему ещё? – повторила Аля, боясь, что если промолчит хоть секунду, он уйдёт от ответа, спрятав его гдето между листьями манго и шумом прибоя.

Сергей помолчал, водя пальцами по шершавой коре дерева, словно нащупывал нужные слова в её трещинах.

– Терпеть тишину, – наконец сказал он тихо, почти себе под нос. – Не заполнять её первым попавшимся словом, лишь бы не чувствовать себя неловко. Зинаида Павловна говорила:

«Тишина – не враг. Она просто ждёт, пока ты станешь достаточно смелым, чтобы услышать правду».

Аля невольно втянула воздух.

– А ты… стал смелым? – спросила она, сама удивившись, как легко сорвался с языка этот вопрос.

Он чуть усмехнулся, но в улыбке не было веселья, скорее тень чего-то, что он давно носил с собой.

– Не всегда, – признался он. – Иногда я всё ещё тороплюсь что-то сказать, лишь бы тишина не стала слишком громкой. Но теперь я хотя бы замечаю это. И останавливаюсь.

Аля посмотрела на океан, на то, как волны набегают и отступают, словно ведут какой-то бесконечный, понятный только им разговор. В этом шуме было столько тишины, сколько не бывает в самых долгих паузах между людьми.

И вдруг ей стало страшно. Не от чего-то конкретного, а от ощущения, что сейчас, у этого дерева, она стоит на пороге чего-то важного. Словно бабушка знала не только про него. Будто она знала и про Алю: про её страхи, про её привычку прятать правду за шутками, за торопливыми словами, за вечным «я в порядке», «отношения не для меня».

– Ты думаешь, она… – Аля запнулась, не решаясь закончить фразу.

– Что? – Сергей чуть повернул голову, и в его взгляде мелькнуло чтото настороженное, он уже догадывался, куда она клонит.

–Ты думаешь, она знала про меня? – выпалила Аля, сама, не веря, что сказала это вслух. – Про то, что я… боюсь тишины? Боюсь услышать эту самую правду?

Сергей не ответил сразу. Он снова провёл ладонью по стволу, ища там опору, и только потом посмотрел на неё прямо, без уклончивости.

– Она говорила, что однажды придёт человек, которому нужно будет просто постоять рядом и помолчать. И что для этого человека тишина станет не наказанием, а подарком. Я тогда не понял, о ком речь. А теперь… теперь мне кажется, что она говорила про тебя.

Она просто кивнула еле заметно.

– Пойдём, – тихо сказал Сергей, убирая руку со ствола. – Отель ждёт тебя. И, кажется, тебе сейчас нужен не разговор, а просто чашка чая и вид на океан.

Они пошли по тропинке, и на этот раз молчание между ними не было неловким. Оно было как обещание: впереди ещё много вопросов, много тайн и недоговорённостей. Но сейчас им было достаточно просто идти рядом и позволять тишине быть не врагом, а союзником.

Аля лежала на кровати, смотрела в потолок и пыталась уложить в голове один простой факт: она теперь хозяйка отеля. Не временно. Не «пока бабушка в отъезде». Навсегда.

Телефон вибрировал. Сообщение от Леры:

«Ну как там? Партнёр красивый?»

Аля набрала: «Очень».

Лера: «Влюбилась?»

Аля: «Он читает мысли».

Лера: «Что?!?»

Аля: «Я серьёзно. Он телепат».

Лера: «Ты перегрелась?»

Аля: «Возможно. Но он действительно слышит, что я думаю».

Лера: «И что он думает о тебе?»

Аля замерла. Он слышит её, а она – нет. И эта односторонняя прозрачность вдруг показалась самой пугающей вещью на свете.

«Вот это, – подумала Аля, – и есть проблема».

Она отложила телефон и села на кровати, обняв колени. В комнате становилось темнее, и тени от пальм ложились на стены, будто пытались что-то ей подсказать. И тут она заметила:

на прикроватной тумбе, рядом с вазой из голубого стекла, лежала тонкая книжка. Это был старый роман в мягкой потрёпанной обложке, с загнутыми уголками и едва заметной надписью на форзаце: «Аля, если станет страшно – читай. Слова держат лучше, чем одеяла. Бабушка».

Аля провела пальцем по корешку. Она открыла наугад. На странице было выделено карандашом несколько строк, и от этого казалось, что кто-то специально оставил ей знак: «Тайна – это не то, что скрыто от всех. Тайна – это то, что пока не готово быть раскрытым. Но однажды ты увидишь узор целиком». Аля закрыла книгу, но не отложила. Она вдруг почувствовала: это не просто книга. Это подсказка. Или предупреждение.

Дверь скрипнула – в проёме стоял Сергей, и взгляд его прикован к книге в руках Али.

– Откуда она у тебя? – в его голосе ни тени привычной иронии, только тревога.

– Бабушка оставила… А что с ней не так?

Сергей будто борется с собой: шагнул – и остановился.

– В ней – ответ на вопрос, который ты ещё не задала: почему тебе достался отель… и почему бабушка знала, что ты её найдёшь?

Холодок пробежал по спине Али.

– Ты знаешь, что там?

– Не знаю. Но скажу только одно, – тихо произнёс он. – Твоя бабушка не делала случайных подарков. Если она оставила тебе эту книгу, значит, ты готова узнать правду. Даже если она разобьёт тебе сердце.

Она сжала обложку, вглядываясь в надпись: «Если станет страшно – читай». Сейчас слова не грели – они манили в темноту.

– Что мне делать? – прошептала она, и в глазах – мольба о подсказке.

Сергей не стал притворяться, что не слышит её мыслей. Просто тихо произнёс:

– Выбирай.

Глава 3. Первый день, первые гости

Она подняла на него глаза, пытаясь прочесть хоть намёк на то, какой путь безопаснее. Но в его взгляде не было готовых ответов – только спокойная готовность остаться рядом, каким бы ни оказался её выбор. Пальцы дрогнули, и книга чуть не выскользнула из рук. Аля резко выдохнула, будто сбрасывая с себя невидимую тяжесть, и вдруг поняла: прямо сейчас она не готова. Не в эту минуту, когда тишина давит, а каждое слово звучит как приговор.

– Я… не буду читать, – проговорила она чуть хрипло, словно голос за ночь успел отвыкнуть от слов. – Не сегодня.

Сергей едва заметно кивнул – не с облегчением, а с уважением к её решению.

– Хорошо. Не сегодня. Но она никуда не исчезнет.

Аля осторожно положила книгу на тумбочку, будто та всё ещё могла обжечь, и на секунду прикрыла глаза. В комнате пахло солью и тёплым деревом, и этот запах медленно, по крупице, возвращал её к реальности.

– Знаешь, что мне сейчас нужно? – она попыталась улыбнуться, и улыбка вышла слабой, но настоящей. – Просто лечь. И чтобы надо мной не висел этот выбор хотя бы несколько часов.

– Ложись, – так же тихо сказал Сергей. – Я закрою дверь. И если хочешь, потом мы вообще больше не будем про неё говорить. Или будем – когда будешь готова.

Он сделал шаг назад, потянул на себя дверь, и скрип петель прозвучал почти как прощание с этой минутой тревоги.

– Спасибо, – шепнула Аля уже в полумрак комнаты, когда свет из коридора начал гаснуть.

Дверь щёлкнула, отрезая её от напряжения вечера, и тишина стала другой – не пугающей, а заботливой, словно кто-то бережно укрыл её одеялом. Аля опустилась на кровать и закрыла глаза. Волны шептали что-то спокойное, бесконечное, и этот шёпот постепенно стёр из головы все вопросы, оставив только одну мысль: «Пусть сегодня будет просто сон».

Аля проснулась от ровного, убаюкивающего звука волн. Это было непривычно: в Самаре её будил соседский перфоратор (ровно в 08:05, как по расписанию) или мусоровоз, который грохотал так, словно пытался объявить всему району, что сегодня день великого очищения. Здесь же был океан. Тихий, ровный, как дыхание человека, который точно знает, что всё под контролем.

Она подошла к окну. Утреннее солнце лежало на воде, как золотая дорожка, такая ровная и заманчивая. Пальмы стояли неподвижно. На пляже ни души. Даже чайка ещё не до конца проснулась, чтобы требовать у туристов круассан.

«Хорошо, – подумала Аля, вдыхая солёный воздух и чувствуя, как внутри потихоньку тает что-то напряжённое. – Я могу к этому привыкнуть. Серьёзно. Я готова променять соседский перфоратор на этот вид навсегда. Даже подпишу официальный отказ от всех городских звуков».

– Не привыкай, – раздался голос снаружи.

Аля подпрыгнула так резко, что, если бы рядом был сейсмограф, он бы тут же выдал предупреждение о локальном землетрясении. На террасе её номера стоял Сергей – спокойный, собранный, как будто он тут каждый день появляется с подносом, а не нарушает все возможные нормы этикета и личного пространства. На подносе: кофе, тосты, папайя, нарезанная идеальными дольками, и маленький конверт, выглядевший подозрительно торжественно.

– Ты что тут делаешь?! – выдохнула Аля, судорожно собирая волосы в прическу.

– Принёс завтрак. И повестку дня, – невозмутимо ответил Сергей, чуть наклонив поднос, чтобы она точно оценила масштаб утреннего гостеприимства. – Твоя бабушка завела правило: каждое утро – совместный завтрак на террасе владельцев. Она говорила, что бизнес начинается с кофе. А хорошие решения – с тоста с авокадо. Ну, или с папайи, если авокадо нет.

– А стук в дверь? – буркнула Аля, пытаясь одновременно выглядеть собранной.

– Я стучал. Ты не услышала. Наверное, потому что думала: «Хорошо, я могу к этому привыкнуть». И ещё: «Интересно, тут есть доставка кофе прямо на пляж?» И ещё: «А если я просто останусь тут навсегда, кто-нибудь заметит?»

Аля прищурилась. – Ладно, – процедила она, распахивая дверь чуть шире и забирая поднос. – Но в следующий раз – звонок. Или дымовая шашка. Или хотя бы громкий кашель. Что угодно, только не вот это внезапное «я уже тут, и у меня папайя».

Сергей едва заметно улыбнулся, не широко… знал, что она всё равно возьмёт тост, потому что голод сильнее возмущения.

– Учту, – спокойно кивнул он. – В следующий раз начну с кашля. Или с объявления по громкой связи. «Внимание, Аля просыпается, готовится к идеальному утру, просьба не нарушать её медитацию».

– Очень смешно, – буркнула Аля, но уже без прежней строгости, потому что запах кофе делал её подозрительно сговорчивой.

Она поставила поднос на столик, села в плетёное кресло и посмотрела на океан.

– Знаешь, – тихо сказала она, отламывая кусочек тоста и стараясь не думать о том, как нелепо выглядит эта сцена: она в халате, он с конвертом, между ними папайя и целая вселенная недоговорённостей. – Если бабушка завела правило про завтраки, то пусть заодно завела бы и правило про «не пугать гостей до инфаркта».

– Записала бы, – пожал плечами Сергей, усаживаясь напротив и глядя на неё так спокойно, казалось, они каждое утро вот так сидели и обсуждали семейные регламенты. – Но она считала, что лёгкий шок с утра бодрит лучше кофе. Говорила: «Если человек после сюрприза всё равно сел завтракать, значит, с ним можно вести дела».

Аля фыркнула и тут же поймала себя на том, что улыбается. Совсем чуть-чуть, так, что улыбка едва успела мелькнуть и спрятаться за глотком кофе.

– В этом была вся бабушка! Ну, тогда я официально прошла проверку, – пробормотала она, глядя на океан и чувствуя, как напряжение вчерашнего дня потихоньку растворяется в тёплом воздухе, в шуме волн и даже в этой нелепой папайе. – Потому что я не только села. Я ещё и тост взяла. А это, знаешь ли, серьёзный шаг.

Сергей кивнул, кажется это и правда было важным показателем надёжности партнёра по бизнесу или по приключениям – кто там разберёт.

– Значит, будем работать, – спокойно сказал он, кивнув на конверт. – Тут повестка. Но сначала кофе. И тишина. Ну, насколько это возможно, когда кто-то думает про круассаны.

Аля закатила глаза, но спорить не стала. Вместо этого она сделала ещё один глоток, посмотрела на золотую дорожку и подумала: «Ладно. Пусть будет ещё одно утро. Пусть будет завтрак, папайя и человек, который знает, о чём я думаю. Но только сегодня. Завтра я точно научусь думать тише».

И где-то в глубине души она знала: вряд ли у неё получится. Но попробовать стоило.

– Спасибо. Правило про совместный завтрак – с этого момента отменяется.

– Не могу. Это в уставе отеля. Раздел 4, пункт 2: «Владельцы ежедневно завтракают вместе для синхронизации бизнес-процессов». Зинаида Павловна любила слово «синхронизация».

– Бабушка была сумасшедшая.

– Бабушка была гением, но в каком-то смысле… и сумасшедшей. За пределами этой террасы.

Они сидели на террасе владельцев. Небольшой площадке на втором этаже с видом на лагуну. Тут пахло солью, цветами и чем-то ещё, что Аля никак не могла опознать, наверное, это и был запах «я теперь тут живу».

Аля собиралась съесть папайю и сделала вид, что ей абсолютно нормально. Но внутри всё кричало: «Как мне есть эту штуку, чтобы не выглядеть нелепо? Она скользкая. Если выскользнет и улетит в лагуну – я просто умру».

Сергей пил кофе и делал вид, что не слышит, как у Али в голове крутится этот внутренний монолог. Но, конечно, слышал. Или просто слишком хорошо её читал.

– Папайю едят ложкой, – спокойно сказал он.

– Я знаю! – слишком громко ответила Аля, словно громкость могла придать словам убедительности.

– Ты не знала. Ты думала: «Как её резать? Ножом? Вилкой? Может, просто укусить, как яблоко, и надеяться, что никто не заметит?»

– Я не…

– Думала.

Аля стукнула ложкой по столу. Звук получился неожиданно драматичным, словно она не просто постучала, а поставила точку в важном международном договоре.

– Ладно! Допустим, ты слышишь мои мысли. Но ты не обязан на каждый внутренний кризис делать комментарий!

– Не обязан, – согласился он, чуть наклонив чашку. – Но, если ты думаешь что-то смешное, мне трудно сдержаться. Это как слышать анекдот и не смеяться. У меня просто рефлекс.

– Мои мысли не анекдоты!

– Алина Андреевна, – он снова произнёс её отчество с таким серьёзным видом, что Аля почувствовала, как внутри у неё всё подпрыгнуло от возмущения, – вы сейчас думаете: «Если он ещё раз назовёт меня по отчеству, я брошу в него папайю». И одновременно: «У него красивые руки, когда он держит чашку». Это противоречие. Это очень смешно.

Аля покраснела до корней волос. Даже уши, кажется, стали пунцовыми. Она схватила салфетку и приложила к лицу.

– Всё. Завтрак окончен. Я официально закрываю поток мыслей.

– Мы даже не обсудили повестку, – невозмутимо заметил Сергей.

– Какую повестку?! У меня тут папайя ведёт себя как живая, а ты про повестку!

– В конверте, – он кивнул на небольшой кремовый конверт, который лежал на краю стола.

Аля посмотрела на него, как на что-то подозрительное. Она медленно взяла конверт, повертела в руках, потом вздохнула, как человек, который понимает: от судьбы не уйдёшь, даже если очень хочется. И вскрыла.

«Алиночка, девочка моя, – было написано там аккуратным, чуть наклонным почерком, который она узнала бы из тысячи. – Если ты читаешь это, значит, меня уже нет рядом, и ты всё-таки приехала. Молодец. Не растерялась. Не сбежала в Самару за очередной чашкой кофе (хотя я бы тебя не осудила – в Самаре умеют варить кофе, тут этого не отнять).

Первое правило: не паникуй. Второе: не влюбляйся в Сергея. Третье: если нарушишь второе, не говори мне, я всё равно узнаю, даже там, наверху. Четвёртое: отель – это не бизнес. Это люди. Держи Сергея рядом. Он знает, как тут всё крутится: где скрипит пол, где прячется сквозняк, где в сезон пропадают полотенца, и кто из гостей обязательно попросит третий комплект постельного белья «просто на всякий случай». А ты знаешь, как тут должно быть по-человечески: чтобы гостю хотелось остаться не потому, что кровать удобная, а потому, что его тут заметили. Увидели. Услышали.

Вместе у вас получится. Я в это верю. Даже если сначала будет казаться, что вы просто путаетесь друг у друга под ногами и спорите, какой сорт кофе заказывать на ресепшен.

И не бойся принимать решения. Даже если они кажутся глупыми. Глупое решение – это всё равно решение. А без решений отель умирает. Представь: тишина, пыль на стойке, пальмы грустно кивают листьями и шепчут: «А ведь мы могли бы быть местом, где кто-то впервые влюбился под шум волн…» Не дай этому случиться. Ты справишься.

И ещё: не пытайся быть мной. Будь собой. У тебя свой стиль. Даже если он пока выглядит как «я не знаю, что делаю, но делаю уверенно, и вообще, у меня план, просто он в голове и немного расплывается». Это тоже стиль. И знаешь, что? Иногда именно такой стиль работает лучше всех остальных.

P.S.: Сергей телепат, но думаю, ты уже это узнала. Он хороший мальчик, верь ему. Он подобие меня в энергии и блеске в глазах. Только не давай ему слишком много власти над твоими мыслями, а то начнёт комментировать даже то, как ты выбираешь, какой тост съесть первым. Пусть он лучше комментирует отель. Для этого Серёжа и нужен.

И последнее: найди сундук. Он в подвале. Ключ в манго. Люблю. Бабушка З».

Аля дочитала, и на глазах у неё вдруг защипало – не от грусти, а от чегото тёплого, будто бабушка стояла прямо за плечом, поправила ей прядь волос и тихонько сказала: «Ну вот, ты тут. Теперь давай потихоньку всё устроим». Аля улыбнулась: сначала чуть-чуть, потом шире, так, что даже морщинки у глаз обрадовались и собрались в весёлые лучики.

– Ну, бабушка, – прошептала она, прижимая записку к груди, словно это был талисман. – Ладно. Я постараюсь не растеряться. И не сбежать. Хотя, честно, идея с кофе в Самаре всё ещё звучит очень заманчиво…

Сергей молча ждал, глядя на неё чуть насторожённо, кажется боялся спугнуть этот тихий момент.

– Что там? – тихо спросил он, не торопя, просто давая ей право побыть с этими словами столько, сколько нужно.

Аля подняла на него глаза и вдруг увидела не того парня, который слишком много знает о её мыслях, а человека, которому бабушка доверяла. Человека, с которым ей предстояло разбираться с этим отелем, с пальмами, с гостями, с пропадающими полотенцами и с тем, как сделать так, чтобы каждый, кто сюда приедет, почувствовал: его тут ждали.

– Тут… – она снова улыбнулась, уже не пряча улыбку, и протянула ему записку. – Тут бабушка пишет, что ты хороший мальчик и тебе можно верить, но не влюбляться в тебя. И ещё, что ты знаешь, где тут что скрипит.

Сергей взял листок, пробежал глазами строчки, и на его лице мелькнуло что-то очень похожее на облегчение, казалось, он сам долго ждал этих слов, даже если не признавался в этом. Он действительно любил эту женщину, как собственную бабушку.

– Знаешь, – сказал он, складывая записку и возвращая её Але с бережной аккуратностью, как возвращают что-то очень ценное. – Она всегда так говорила: «Отель – это люди». И ещё: «Если сомневаешься – начни с малого. С чашки кофе. С улыбки. С того, чтобы просто сказать: «Добро пожаловать»».

Аля кивнула, чувствуя, как в груди потихоньку расправляется что-то сжатое, словно парус, который наконец поймал ветер.

– Тогда начнём с кофе, – сказала она, делая глоток и чувствуя, как тепло разливается внутри, прогоняя последние остатки утренней неуверенности. – И с тоста. И… может быть, с того, чтобы сегодня никто не ушёл из отеля с ощущением, что его не заметили.

– Это можно, – спокойно кивнул Сергей, выглядело это как они только что подписали самый важный контракт в их жизни. – Начнём с кофе. А дальше посмотрим.

Аля посмотрела на океан. Золотая дорожка всё так же лежала на воде, только теперь она казалась не просто дорогой куда-то далеко, а приглашением: «Иди. Попробуй. Ты справишься».

И впервые за долгое время она вдруг поверила: да, справится. Пусть не идеально. Пусть с ошибками. Пусть иногда будет казаться, что она просто уверенно делает вид, будто знает, что делает. Но это тоже путь. Её путь.

– Хорошо, – тихо сказала она, ставя чашку с лёгким, уверенным стуком. – Пусть будет этот день. Пусть будет отель. Пусть будут пальмы, гости, пропадающие полотенца и даже телепат, сидящий, напротив. Я готова.

Сергей чуть улыбнулся.

– Готова, – подтвердил он. – Тогда давай сделаем так, чтобы этот отель не просто жил, а улыбался каждому, кто сюда заходит.

Аля кивнула. И подумала: «Бабушка, я постараюсь. Честно. Я не буду тобой. Я буду собой. И, может быть, этого как раз и хватит».

А потом, словно что-то щёлкнуло внутри, она снова потянулась к записке, развернула и перечитала дважды. Потом ещё раз, как будто если прочитать в третий, слова вдруг поменяются и скажут, что-то более понятное, вроде «сундук – это метафора твоего внутреннего роста». Но нет. Слова упрямо оставались теми же.

– Стоп, – сказала она, поднимая глаза от листка. – Что за сундук?

Сергей пожал плечами, пытаясь стряхнуть с себя это новое, внезапное задание.

– Не знаю. Я не знал про подвал. В отеле нет подвала.

– Бабушка пишет: «Он в подвале». Значит, подвал есть, – твёрдо сказала Аля, будто сама логика письма должна была материализовать лестницу вниз прямо посреди террасы.

– Может, это метафора, – осторожно предположил Сергей. – Она любила метафоры. Говорила, что иногда «ключ» – это просто повод задуматься, а «сундук» – твои скрытые таланты.

Аля посмотрела на него.

– «Найди сундук» – это не метафора, – отрезала она. – Это указание. Бабушка не разбрасывалась словами. Если она написала «сундук», значит, гдето есть сундук. Тяжёлый, старый, с ржавыми петлями. И, скорее всего, пыльный.

Сергей взял листок и прочитал. Потом перечитал ещё раз, наверно надеялся, что между строк появится пояснение мелким шрифтом: «Шучу, это про саморазвитие».

– «Ключ в манго», – пробормотал он, хмурясь. – В манго? В плоде? В дереве?

– Не знаю, – призналась Аля, но в голосе уже звенела решимость. – Но она не шутила. Бабушка никогда не шутила.

– Могла, – тихо возразил Сергей. – Редко, но могла. Однажды она сказала повару, что «соус должен дышать», и тот два часа держал кастрюлю открытой на сквозняке. Оказалось, она имела в виду «не кипяти слишком сильно».

Аля встала, расправила халат и решительно кивнула сама себе.

– Мне нужно найти подвал, – сказала Аля.

Сергей тоже поднялся, но не с той же решимостью, скорее с видом человека, который понимает, что сейчас придётся балансировать между приключениями и реальностью.

– Тебе нужно познакомиться с персоналом, – спокойно, но твёрдо сказал он. – Сегодня прилетают гости – четыре номера. Я не могу один. Не могу встречать людей, улыбаться, проверять бронь и одновременно искать подвал, которого, возможно, не существует.

– А как же подвал? – упрямо повторила Аля.

– Подвал подождёт, хотя бы полдня, – мягко, но непреклонно ответил Сергей. – Гости – нет. Они прилетят, захотят заселиться, кто-то попросит дополнительную подушку, кто-то еду без глютена, кто-то будет нервничать из-за чемодана… И все они будут смотреть на нас и ждать, что мы знаем, что делаем. Даже если мы не знаем. Особенно если не знаем.

Аля застыла на мгновенье. И вдруг поняла: он прав. Отель – это не только тайны и сундуки. Это люди. Прямо сейчас. Сегодня. С их маленькими просьбами, большими ожиданиями и верой в то, что здесь всё будет хорошо.

Она медленно выдохнула, сбрасывая с себя образ искательницы сокровищ и возвращаясь к роли хозяйки отеля – пусть пока и неуверенной.

– Ладно, – сказала она чуть тише, но всё ещё с искрой упрямства в голосе. – Сначала гости. Подвал потом. Но я всё равно его найду. Даже если придётся поднять каждую половицу.

Сергей едва заметно улыбнулся – не насмешливо, а с тем самым теплом, которое появляется, когда видишь, что человек не сдаётся.

– Договорились, – кивнул он. – Сначала гости. Потом половицы. А пока… – он снова кивнул на поднос, на остывающий кофе и папайю, которая теперь выглядела не просто как экзотический фрукт, а как часть утреннего ритуала, давай начнём с самого простого. С того, чтобы просто сказать: «Добро пожаловать».

Аля снова посмотрела на записку, аккуратно сложила её и спрятала в карман халата, как талисман, как обещание, как тихий голос бабушки, который шептал: «Ты справишься. Даже если сначала будешь просто улыбаться и делать вид, что знаешь, что делаешь».

Потом взяла чашку, сделала глоток – тёплый, чуть горьковатый, настоящий и кивнула.

– Добро пожаловать, – тихо сказала она, пробуя эти слова на вкус, проверяя, подходят ли они ей. – Пусть сегодня будет хороший день. Пусть гости будут спокойными, полотенца на месте, а подвал… ну, подвал никуда не денется.

Сергей улыбнулся чуть шире, услышал именно те слова, которые хотел.

– Только вот у меня остался один вопрос, а что бабушка имела ввиду «Не влюбляйся в Сергея?» Может потому что ты бабник, – улыбнулась Аля.

Сергей на секунду замолчал. Потом медленно, очень старательно выпрямил спину, сложил руки.

– Бабник? – переспросил он. – Я? Да я в жизни ни разу не флиртовал… ну, если не считать того случая с женщиной-барменом, когда я пытался выпросить второй ломтик лайма и случайно улыбнулся слишком широко. Но это не флирт, это отчаяние.

Аля приподняла бровь – мол, продолжай, я слушаю.

– А насчёт бабушкиного совета… – он чуть наклонил голову. – Думаю, она имела в виду не то, что я опасен для женских сердец, а то, что в отеле и так достаточно драмы. Представь: ты влюбляешься, я волнуюсь, гости видят, что мы оба ходим с отсутствующим видом, и начинают думать, что отель вот-вот закроется из-за любовной трагедии. И тогда вместо «Хочу продлить бронь» мы услышим «Мы уезжаем, тут слишком много чувств». А нам это не нужно. Нам нужны спокойные гости, вкусные завтраки, и чтобы полотенца просто лежали там, где им положено, а не служили реквизитом для эмоциональных сцен.

Он сделал паузу, давая Але время оценить масштаб катастрофы.

– Так что, – добавил он уже мягче, с лёгкой улыбкой, – бабушка просто хотела, чтобы отель стоял крепко. А для этого нам с тобой лучше оставаться… ну, скажем, профессиональными союзниками. С правом на один совместный тост по утрам в день и без лишних сердечных потрясений.

Аля фыркнула.

– То есть ты хочешь сказать, что твоя главная романтическая трагедия – это ломтик лайма?

– Именно, – серьёзно кивнул Сергей. – И я до сих пор переживаю, что тогда не настоял на втором. Это был переломный момент в моей жизни.

Аля тихо рассмеялась, но искренне, так, что даже океан чуть-чуть подстроился под этот ритм и стал шуметь веселее.

– Ладно, – сказала она, качая головой и пряча улыбку в краешке чашки. – Союзники. Без драм. Но если вдруг ты снова пойдёшь выпрашивать ломтик лайма – я с тобой. Просто чтобы убедиться, что на этот раз ты точно получишь второй.

Сергей улыбнулся.

– Договорились, – кивнул он. – Никаких драм. Только лайм, кофе и, возможно, один загадочный сундук. В порядке строгой очерёдности.

И подтверждая эту новую договорённость, ветер снова шевельнул листья, а золотая дорожка на воде чуть дрогнула, словно подмигнула: день будет непростой, но точно не скучный.

Персонал «Зиннии» состоял из 5 человек. Дуа – повар, тихий, круглый, улыбчивый, который готовил так, что Аля забыла про все диеты, которые никогда не соблюдала. Двое уборщиков – близнецы Сан и Лун, которые не говорили по-русски, но понимали всё по улыбке. Садовник Тони, который ухаживал за орхидеями так, словно это были его дети.

– И вот Марина, познакомьтесь, – сказал Сергей. – Она у нас администратор, бухгалтер и по совместительству хранительница всех тайн отеля. Если что-то нужно знать – спрашивай у Марины.

– Я не храню тайны, – сказала Марина, не отрывая глаз от ноутбука. – Точнее сказать я храню данные. Тайны – это ваше.

Аля кивнула и подумала: «Эта женщина меня пугает».

– Я не пугаю, – сказала Марина, не поднимая головы. – Я просто прямая.

– Вы тоже?! – Аля обернулась к Сергею. – Она тоже?!

– Нет, – Марина наконец посмотрела на неё. – Я просто хорошо читаю людей. Без всякой магии. Опыт. Двадцать лет в гостиничном бизнесе.

– А я думала…

– Вы думали, что я телепат, как ваш партнёр. Нет. Я просто наблюдательная.

Сергей тихо хмыкнул. Аля решила, что с Мариной нужно быть осторожнее.

К обеду прилетели гости и сразу принесли с собой целый чемодан правил, этикеток и моральных дилемм. Первой парой оказались немцы – Ганс и Хельга. Пожилые, собранные, веганы до последней крошки. У них был отдельный чемодан, набитый добавками: витаминами, пробиотиками, чем-то с корнем «ашваганда» и ещё парой баночек, названия которых Аля не смогла бы выговорить даже после трёх чашек кофе.

Ганс говорил поанглийски медленно и чётко. Каждое слово он произносил так, словно оно было драгоценным и могло разбиться от лишней интонации. Хельга вообще не говорила, только кивала и улыбалась. Ну хоть одной проблемой меньше, – подумала Аля.

– Добро пожаловать в «Зиннию», – бодро сказала Аля, стоя за ресепшеном. Марина ушла на обед, а Сергей умчался на причал встречать вторую пару, так что вся ответственность за вселенское гостеприимство внезапно легла на её плечи. – Ваш номер – «Орхидея». С видом на сад. Там очень красиво: цветы, бабочки…

– Веганский? – тут же спросил Ганс, будто «добро пожаловать» он пропустил как несущественное вступление.

– Простите?

– Завтрак. Веганский?

– Конечно! – ответила Аля. – У нас папайя, манго, тосты без глютена, суперфуды… ну, в смысле, просто фрукты и хлеб, но звучит солиднее, подумала Аля.

– Без глютена – не значит веганское, – Ганс поднял палец, как профессор, который вот-вот раскроет великую тайну. – Мёд – не веганское. Мёд – это эксплуатация пчёл.

Аля мысленно застонала, а вслух сказала:

– У нас нет мёда. Вообще. Ни капли. Мы принципиально не держим мёд. Мы даже слово «мёд» стараемся не произносить, чтобы не ранить чувства пчёл

(У них был мёд. Целая банка. На кухне. И, если честно, Сергей по утрам мазал его на тост с таким видом, казалось, что это не просто еда, а акт маленького личного счастья).

– Хорошо, – кивнул Ганс, принимая её слова как торжественную клятву отеля перед пчелиным сообществом. – А молоко? В кофе?

– Овсяное.

– Миндальное?

– Тоже есть.

– Соевое?

– Абсолютно. И даже рисовое, если вдруг захочется чего-то совсем загадочного.

Ганс удовлетворённо кивнул. Хельга улыбнулась ещё шире. Аля проводила их до номера, вернулась на ресепшен, села на стул и уронила голову на стойку, хотела слиться с деревом и исчезнуть.

– Это невозможно, – пробормотала она в полированную поверхность. – Я не знаю, как управлять отелем. Я не знаю, что веганское, а что нет. Я не знаю ничего. Я даже не уверена, можно ли считать банан веганским, если его вырастили люди, которые пили кофе с молоком.

– Ты знаешь больше, чем думаешь, – раздался голос Сергея. Он появился из ниоткуда, как человек, который умеет проходить сквозь стены или просто очень тихо ходит.

– Ты опять, – простонала Аля, не поднимая головы. – Ты специально подкрадываешься?

– Я не подкрадываюсь. Я стратегически приближаюсь. Это разные вещи.

– Стратегически пугаешь, – буркнула она. – И ещё ты подслушивал.

– Не подслушивал, а улавливал акустические колебания, несущие важную информацию. И да, я слышал, как ты паниковала. Но я также слышал, как ты врала про мёд. И это было… изящно. Почти как искусство.

– Спрячь мёд, – потребовала Аля, наконец поднимая голову и глядя на него с видом человека, который готов защищать честь пчёл любой ценой.

– Зачем?

– Чтобы Ганс не нашёл. Если он увидит мёд, он напишет отзыв: «Отель обманывает пчёл». И поставит одну звезду. И напишет петицию. И, возможно, организует митинг у ресепшена!

Сергей по-настоящему от души рассмеялся, так, что смех прокатился по холлу, как солнечный луч, и даже пальма в углу будто чуть расправила листья, радуясь, что в отеле наконец-то звучит нормальный человеческий смех. Это был первый раз, когда Аля увидела, как он смеётся вот так: без оглядки, не сдерживаясь. У него были морщинки вокруг глаз, и когда он смеялся, они становились глубже.

И Аля вдруг подумала: «Он красивый, когда смеётся. И морщинки эти… они не про возраст. Они про то, что он много улыбался. И это мило».

– Спасибо, – сказал Сергей.

– За что?

– За комплимент. Хотя ты сказала его мысленно.

– Я не… – начала Аля, но осеклась, потому что спорить с телепатом всё равно что пытаться спрятать облако за спиной.

– Сказала, – спокойно кивнул он.

Аля резко встала.

– Мне нужно… проверить… номер. Какой-нибудь. Любой. Хоть тот, где пыль лежит слоями и строит планы на будущее.

Она схватила папку с документами, прижала её к груди, как щит, и почти выбежала из холла. Сергей смотрел ей вслед и улыбался, уже не громко, а тихо, знал что-то, чего не знала она. Например, что через пять минут она вернётся, потому что не помнит, какой номер собиралась проверять.

И он оказался прав. Через пять минут Аля снова появилась в холле, слегка запыхавшаяся и с видом человека, который только что понял, что забыл, зачем уходил.

– Ну что, проверила? – невозмутимо спросил Сергей.

– Почти, – буркнула Аля. – Там… дверь была закрыта.

– Бывает, – кивнул он, сдерживая улыбку. – Зато теперь ты точно знаешь, что в отеле есть двери. Это уже прогресс.

Аля снова закатила глаза, но в этом жесте не было настоящей злости, скорее усталое признание того, что управлять отелем, спасать пчёл от эксплуатации и одновременно не влюбляться в телепата – задача не из простых. Но, может быть, именно поэтому она и не казалась совсем уж невыполнимой.

Вторая пара гостей оказалась не просто сложнее, она словно сошла со страницы «Как испортить медовый месяц за 10 минут». Молодожёны из Москвы – Даша и Витя. Даша была в солнцезащитных очках с таким количеством страз, что при резком повороте головы можно было временно ослепнуть от бликов. Витя – в футболке «поло» с гордой надписью «Moscow».

Даша была недовольна с момента выхода из лодки.

– Это пять звёзд? – спросила Даша. – Я видела пять звёзд в Дубае. Это не Дубай.

– Это Мальдивы, – спокойно ответил Сергей. – Другой формат.

– Мне нужен формат «роскошь», – Даша поправила очки. – Я в Инстаграм выкладываю. Мне нужен красивый фон.

– Фон – океан, – Аля махнула рукой в сторону лагуны, как фокусник, который пытается отвлечь внимание от того, что трюк не удался.

– Океан везде одинаковый, – фыркнула Даша. – Мне нужен бассейн. Где бассейн?

Аля посмотрела на Сергея. Он посмотрел на Алю. Бассейна не было. Был океан, СПА-купель, шезлонги, экскурсии и… всё. Даже декоративного фонтанчика не было, только пальмы, которые стояли с видом «мы тут просто растём, не втягивайте нас в этот спор».

– Бассейн в плане, – сказал Сергей спокойно.

– В плане – это когда? – прищурилась Даша.

– В ближайшем будущем, – невозмутимо ответил Сергей.

– «Ближайшее будущее» – это не дата, – Даша повернулась к Вите. – Витя, это не пять звёзд.

Витя пожал плечами.

– Мне нравится. Зачем бассейн, если есть прекрасный океан? Тут даже волны специально для фото: не слишком высокие, не слишком низкие. Идеально.

– Тебе всегда нормально! – всплеснула руками Даша. – Мы прилетели в медовый месяц, и я хочу бассейн!

Аля стояла посреди этого скандала, чувствуя себя как человек, который случайно оказался в центре театральной постановки, хотя пришёл просто за хлебом. В голове крутилось: «Как бабушка справлялась с такими?»

– Она говорила им правду, – прошептал Сергей, наклонившись к Але так, чтобы только она услышала.

– Какую?

– «Если вам нужен бассейн, в Дубае он отличный. Доброго пути». Бабушка не боялась потерять гостя. Она боялась потерять себя!

Аля на секунду замерла, переваривая эту мысль. Потом глубоко вдохнула.

– Послушайте, Даша, – сказала она, стараясь говорить ровно, без извинений и без оправданий. – Бассейна у нас нет. И в ближайшее время не предвидится, даже если мы начнём копать прямо сейчас, к ужину точно не успеем. Но у нас есть приватный пляж, СПА-купель, йога на рассвете и ужин на берегу океана с факелами. Если это вам не подходит – я могу помочь с бронированием в другом отеле. Без комиссии.

Даша открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла. Посмотрела на Витю. Витя улыбнулся.

– Мне нравится, – сказал он. – Факелы – это круто. Прямо как в кино. Можно даже селфи сделать на фоне, чтобы все друзья завидовали.

Даша помолчала. Потом вздохнула, не зло, а как человек, который понял, что битва проиграна, но можно попробовать договориться о мире.

– Ладно, – буркнула она. – Но факелы – большие. И чтобы пламя было высоким. Чтобы в кадре выглядело эффектно.

Аля кивнула.

– Большие. С высоким пламенем. Записала, – сказала она с такой серьёзностью, что даже Сергей едва сдержал улыбку.

Когда Даша с Витей ушли к номеру, Аля повернулась к Сергею.

– Ну? – спросила она. – Как я справилась?

– Неплохо, – кивнул он. – Твоя бабушка бы одобрила. Почти.

– Почти? – напряглась Аля.

– Она бы добавила: «И не извиняйся. Никогда. Извинения для тех, кто не уверен. А уверенный человек просто говорит, как есть».

– А я уверенная? – тихо спросила Аля.

– Ты? – Сергей посмотрел на неё. – Ты думаешь, что не уверена. Но ты только что сказала гостю, который хотел бассейн, что бассейна нет и предложила уехать, если не нравится. Это не неуверенность. Это честность. А честность – она как крепкий фундамент: сначала кажется жёсткой, а потом на ней можно строить хоть отель, хоть империю.

Аля почувствовала, как внутри что-то тёплое шевельнулось: не эйфория, а что-то похожее на «О, я могу! Хоть и не идеально».

– Спасибо, – сказала она тихо, боясь, что, если скажет громче, это ощущение исчезнет.

– Не благодари, – пожал плечами Сергей. – Мы партнёры. А партнёры не благодарят друг друга за то, что просто делают свою работу. Ну, или почти делают.

И ушёл, оставив Алю одну, но не с чувством, что она осталась справляться в одиночку, а с ощущением, что рядом есть кто-то, кто знает, как держать равновесие, когда всё вокруг качается.

Она посмотрела на океан. Волны по-прежнему накатывали на берег. Она сказала «нет» и не рассыпалась. И, может быть, именно с этого и начинается настоящая «хозяйка» отеля.

Аля стояла на террасе и смотрела на океан. Ветер трепал волосы. Где-то внизу Дуа готовил ужин, и запах специй плыл по террасе. Молодожёны из Москвы уже, вероятно, фотографировали океан. Ганс и Хельга, возможно, проверяли номер на наличие не веганских продуктов. Мир был неидеальным, но живым.

Аля достала телефон и написала Лере:

«Первый день. Не умерла. Партнёр всё ещё читает мысли. Гости требуют бассейн. Бабушки нет. Но отель – есть. И я – есть».

Лера ответила:

«Ты растёшь. Я горжусь. А партнёр – к тебе проявляет интерес?»

Аля напечатала: «Нет».

И удалила.

Вечер опустился на «Зиннию» мягко. Гости наконец устроились, кухня закрылась, и отель кажется выдохнул после суетливого дня. Теперь в нём слышались только шёпот волн, редкие голоса из номеров, тихий смех гдето у пляжа.

Аля, не в силах сидеть на месте, спустилась к дереву манго. Оно стояло в центре сада, тёмное, грузное от спелых плодов, с толстым, надёжным стволом. Она провела пальцами по шероховатой поверхности и вдруг нащупала маленькое сердце – неглубокое, старое, почти заросшее, словно дерево потихоньку прятало его от чужих глаз. Внутри выемки чувствовалось чтото твёрдое. Аля чуть нажала и кусочек коры отломился, обнажив крошечную нишу. А в ней лежал ключ.

Старинный, латунный, чуть потускневший от времени, но всё ещё благородный. На металле поблёскивала гравировка: «З. Н.». Зинаида Нестерова.

Аля сжала ключ в ладони. Он был неожиданно тёплым.

«Подвал, – подумала она, и сердце забилось чуть быстрее. – Бабушка, где твой подвал?»

Она обошла медленно, внимательно осмотрела отель: главный корпус, ресторан, СПА, склад, кухня. Нигде не было ни люка, ни потайной лестницы, ни даже подозрительной доски в полу. Она заглянула за шкаф в ресепшене – только пыль и паутина. Подняла ковёр в холле – ровная плитка, без единой трещины. Обошла сад, вглядываясь в каждую тень, в каждый изгиб тропинки, в каждый куст орхидей. И тогда наконец-то заметила. В самом углу сада, за пышными кустами бугенвиллеи, прятался деревянный люк – старый, потемневший от дождей и времени, наполовину засыпанный сухими листьями и лепестками. Он будто специально старался выглядеть частью пейзажа, чтобы его не нашли те, кто не должен.

Аля опустилась на колени, принялась быстро сметать листья, но осторожно. Под слоем листвы показался ржавый замок. Она достала ключ, вставила его в скважину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.